

Вернее, трагикомической. Ибо умела смешить до упаду и умела заставить плакать. Ей не хватало ролей, и поэтому она продолжала игру в жизни, в гостях, у себя дома. Вот почему Фаина Георгиевна беспрерывно острела или изрекала философские истины. Она сама создавала великолепный текст той своей грандиозной роли, которая вошла в легенду под именем - Фаина Раневская.

Кстати, и во многих своих кино- и театральных ролях она сочиняла блестящие реплики, до которых не мог додуматься ни один автор. Ее шутки иногда были почти неприличны, но это грубоватое остроумие приобретало особую силу, ибо исходило из уст благовоспитанной, даже утонченной дамы, лишенной и тени вульгарности. В последние годы она была олицетворением какого-то скорбного благородства, и тем более громовыми казались ее убийственные остроты. У нее был гомерический юмор и всегда печальные глаза. «Моя учительница П.Л.Вульф, - рассказывала Раневская, - говорила: «Будь благородна в жизни, тогда тебе поверят, если ты будешь играть благородного человека на сцене». Раневская всегда была благородна, несмотря на все свои причуды, чудачества, капризы, на все неожиданности весьма трудного характера. Вечная игра, лицедейство, но никакого житейского притворства, лицемерия, ханжества.

Всю жизнь она чтит память своей учительницы, чудесной актрисы тонкого, трепетного дарования П.Л.Вульф. «Тоскую смертно по Павле Леонтьевне», - писала Раневская в поздние годы своей жизни. П.Л.Вульф рано увидела масштаб таланта Раневской. Сейчас, в дни столетия Фаины Георгиевны, уместно вспомнить слова ее наставницы: «Фаина Георгиевна Раневская, - писала П.Л.Вульф в своих воспоминаниях, - вступила в труппу Евпаторийского театра после дебюта в роли Маргариты Кавалини в пьесе «Роман». Я готовила ее к дебюту, занималась с ней этой ролью. И потом в течение всей творческой жизни этой замечательной актрисы все ее работы я консультировала и была строгим, но восхищенным ее огромным талантом

педагогом. Работая над ролью Кавалини с Раневской, тогда еще совсем молодой, неопытной актрисой, я почувствовала, каким огромным дарованием она наделена. Но роль Маргариты Кавалини, роль «героини», не смогла полностью раскрыть возможности начинавшей актрисы. Зато в этот же первый сезон в Крыму Фаина Георгиевна сыграла роль

кое огромное актерское обаяние, какая заразительность! Да, я по праву могла тогда гордиться своей ученицей...»

В другом месте своих воспоминаний П.Л.Вульф пишет о работе Раневской уже над характерной ролью Дуньки в «Любови Яровой» К.Тренева.

«Когда же Раневская... начала демонстрировать некоторые ку-

не боялась прибегать к рискованным приемам, трюкам, едва ли не к «цирковой» выразительности. Вспомните, как в кинофильме «Весна» она в каком-то невероятном кульбите скатывается с лестницы, со всей высоты своего роста падает в обморок с отвагой акробатически тренированной клоунессы.

Очень часто ее реплики звучали

самого невероятного сгущения красок.

Ошеломляющим было сочетание эксцентричности и величия, озорства и царственности. Клоунесса мгновенно становилась королевой, истонавшая от хохота публика питала к ней неизменное почтение, какое оказывают особам царского дома. Она часто заставляла публику покатывать-

ражала библейской мудростью и силой.

Станиславский считал, что подлинный гротеск может быть вершиной, высшей ступенью искусства. Он говорил о гротеске: «...это внешнее, наиболее яркое, смелое оправдание огромного всеисчерпывающего до преувеличения внутреннего содержания. Надо не только почувствовать и пережить человеческие страсти во всех их составных всеисчерпывающих элементах, - надо еще сгустить их и сделать выявление их наиболее наглядным, неотразимым по выразительности, дерзким и смелым, граничащим с шаржем».

Именно такими были знаменитые гротески Раневской. И в драматических ролях Раневская все доводила до трагического гротеска. Я смотрел на ее Люси Купер в спектакле «Дальше - тишина» с восторгом и почти с ужасом, с трудно переносимой жалостью, от которой перехватывало дыхание. У нее были полные смертельной тоски и страха широко раскрытые, чуть выпученные глаза животного, которого гонят на бойню. Взгляд уже бессмысленный, нечеловеческий от нечеловеческой боли. Глаза, каждую секунду готовые наполниться слезами. Глаза брошенной собаки. И протяжные, рыдающие интонации ее низкого голоса напоминали, да простится мне неизящное сравнение, жалобное мычание, тихий вой беспомощного животного, которого убивают на твоих глазах. Эта жуткая безысходность, какая-то «звериная» печаль, люта тоска одиночества резали по сердцу предельно отчаяния.

Раневская могла бы воплотить угловатую клоунессу Тулуз Лотрека, но у нее были трагические роли, в которых она обретала величавую грацию.

Любовь Орлова называла Фаину Георгиевну «своей феей». Да, волшебница, мудрая фея театра. Ее пример замечателен, ибо это пример фантастического сочетания гениальной дерзости и святого служения театру, безграничной отваги артистического воображения и смирения перед искусством.

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН.

ИМЕНА МУДРАЯ ФЕЯ ТЕАТРА

Одна из последних пьес, в которой играла Фаина Раневская, называлась «Дальше - тишина». Суходом ее тишина не наступила, наоборот, со временем как будто все больше растет и слава, и популярность. В воспоминаниях о ней часто приводятся ее шутки, ее язвительные и горькие афоризмы. Раневская была мастером комической репризы, ибо являлась великой Клоунессой, царственной, коронованной Клоунессой, гордо восседавшей на троне первой комической актрисы России.

Шарлотты в «Вишневом саде» А.П.Чехова и сыграла так, что это определило ее путь как характерной актрисы и вызвало восхищение ее товарищей по труппе и зрителей.

Как сейчас вижу Шарлотту-Раневскую. Длинная, нескладная фигура, смешная до невозможности и в то же время трагически одинокая. Какое разнообразие красок было у Раневской и одновременно огромное чувство правды, достоверности, чувство стиля, эпохи, автора.

И все это у совсем молоденькой, начинавшей актрисы. А ка-

сочки своей роли, он (К.Тренев), не сдержав своего восторга, начал громко хохотать. Превосходно владея южным говором, чувствуя фольклор, она прибавляла словечки от себя, которых не было в роли, в чем тут же пришлось ей каяться перед автором пьесы. Константин Алексеевич еще веселее рассмеялся: «Нет, это чудесно, молодец, я непременно внесу в пьесу, непременно».

И в дальнейшем Раневская частенько прибавляла «словечки от себя», и всегда это было украшением роли. Раневская порой

хлестко и броско, почти как цирковые репризы. Необычен был ее голос - басовитое виолончельное «гудение», глубокое контральто.

Внешний облик ее героинь нередко был доведен до остроты Домье, Агина или Боклевского. Спекулянтка Раневская в спектакле «Шторм» щеголяла в тулупе, надетом на вечернее платье с блестками, явно нагло выторгованное, мошеннически вымененное у какой-нибудь «бывшей» дамы.

Гениальная актриса не боялась самых смелых, острых, порой гротесковых приемов, не опасалась

ся от смеха, но чем больше над ней (или, вернее, над ее героинями) смеялись, тем больше накапливалось к ней редкое уважение, почти преклонение.

Раневская - это огромная, эпическая мощь обобщения. Гениальная наблюдательность и не менее гениальная способность каждой подмеченной черточке придавать масштаб и размер вселенского эпического значения. Мало сказать, что она искала сценическую правду. Ее дар делал эту сценическую правду неотразимо убедительной Истиной. В трагических своих ролях она по-